

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

«СРЕДНЯЯ ШКОЛА №2»

**Инсценировка повести Дины Рубиной
ЛЮБКА**

*Автор: Пантелеева Н.В., режиссёр театра-студии «Новая сцена»
педагог дополнительного образования МОУ СШ №2
г. Переславль-Залесский, 2020*

Действующие лица

Любка

Ирина Михайловна

Кондакова Екатерина Федоровна

Соседка Александра Сергеевна

Главврач Перечников Федор Николаевич

Мосельцова Зинаида Николаевна

Звучит брагурный марш середины XX века. На сцене мелькают картинки сталинской эпохи: энтузиазм строителей социализма, летят в воздух доносы...

По одному выходят участники этой истории. Они пока ещё не стали ими, превращение произойдёт на наших глазах сменю нескольких деталей их облика...

Актёр – Перечников Ф.Н. – Две-три улочки двухэтажных домов... базарная площадь... почта... пять магазинов в дощатых будках да несколько десятков бараков – этот городишко лепился к металлургическому комбинату и был его порождением.

Актриса – Мосельцова З. Н. – И небольшая санчасть была, куда по распределению после института попала Ирина Михайловна, тоже относилась к комбинату. Главврач санчасти Перечников Федор Николаевич

Актёр – Перечников Ф.Н. – Стоял сентябрь пятьдесят второго.

Актриса – Мосельцова З. Н. - Распределиться то можно было удачнее, вовремя нужно было взять справку о беременности, а ещё лучше не рожать...

Актриса – Ирина Михайловна – К тому времени прошло два года, как серый, безликий человек в окошке сообщил, что отца перевели в другой лагерь без права переписки. Передач не принимали. Маму давно уже уволили из госпиталя, где она заведовала неврологическим отделением, жили на Ирину стипендию, поэтому будущая зарплата представлялась поводом к дальнейшему существованию... Так что подхватили живот и прибыли «по месту распределения».

Актриса – Кондакова Е. Ф. – В кирпичном доме им дали комнату – приличная такая комнатка, метров двенадцать, в квартире с одинокими соседками... Кондакова Екатерина Федоровна - телефонистка

Александра Сергеевна - Сашка... Александра Сергеевна

Кондакова – Кухня у нас большая, даже ванная с титаном есть – чего еще!

Ирина Михайловна – Да-да, все прекрасно... Ирина Михайловна. Ирина Михайловна проработала три месяца и ушла в декрет.

Мосельцова – Дочка родилась у неё в той же санчасти... Соня... А что, да почему, да от кого – это никого не касается. Глубоко личное дело...

Ирина Михайловна – Главное, с мамой ничего не было страшно, она умела все – перелицевать пальто, торговаться на базаре, сварить из пустяка борщ,шить пеленок из рваного пододеяльника, – вероятно, для этого в свое время она окончила Сорбонну. Но крепкий человек мама умерла в одно мгновение: стояла у окна с пятимесячной Сонечкой на руках... и... вдруг упала навзничь.

... надо было решать что-то с Сонечкой.

Перечников Ф.Н. – Были, были ясли от комбината...

Ирина Михайловна – да черт бы их побрал эти ясли. Ребенка жалко.

Мосельцова – Металлургический комбинат заглатывал, перемалывал, переваривал сотни заключенных из близрасположенного лагеря, пленных японцев, ну и конечно, вольнонаемных рабочих.

Любка – Любка была вольнонаемной...

Пластический КВАДРАТ. Заводская медкомиссия, из-за ширмы выходит Любка.

Ирина Михайловна (*зрителям*) – Ирина Михайловна второй год сидела в заводской медкомиссии, навидалась за это время всякого, понимала, что детство и юность у человека не всегда протекают на стриженных газонах.

Перед в рабочем халате ней стоит Любка

Ирина Михайловна (*размышляя*) – Одевайтесь, пожалуйста... (*глядя, как торопливо и зябко путается девушка в лямках рубашки*) Послушайте... Люба... Вы не представляете, какой это тяжелый хлеб – труд обдирщиц. Через месяц вы рук своих не узнаете, сплошные будут рубцы и ожоги...

Любка – Любка помалкивала, соображая, какого рожна заботливой докторше надо.

Ирина Михайловна – Не пойдете ли няней, ко мне? У меня ребенок, восемь месяцев. Сидеть некому, положение тяжелое... А я... я вам шестьдесят рублей буду платить...

Любка – Похожа была докторша на воспитанную девочку из ученой семьи. Ах ты, докторша...

Любка (*собрав лоб гармошкой*) – Прикину. Адресок пишете...

М 3 ПРОХОДКА, во время которой Ирина Михайловна и Любка, каждая по своему взвешивают-размышляют и, наконец, расходятся в разные стороны.

Коммунальная квартира, где живёт Ирина Михайловна

Любка – Наутро, в воскресенье в доме Ирины Михайловны, Любка поднялась рано, потребовала керосину и часа три, запершись в ванной, мылась.

На кухне встречаются соседки по квартире

Александра Сергеевна – Докторша-то, слышали, зэчку подобрала.

Кондакова – Какую зэчку?

Александра Сергеевна – Самую настоящую! Из вольнонаёмных. На каждой ноге наколка. Сама страшная, плечи костистые, живот к спине примерз...

Кондакова – Зачем она ей?

Александра Сергеевна – Нянькой к девчонке своей пристроила.

Кондакова – Как нянькой?..

Александра Сергеевна – Да, вот, так. Зэчку к ребёнку...а ещё из учёной семьи.

Кондакова – ... Уплывали нянькины денежки...

Александра Сергеевна – Вот и я говорю, не справляется она с домом: запустила, под шкафом пыль катается... При матери такого не было.

Кондакова – ... Я, кажется, ей никогда в помощи не отказывала, когда не на дежурстве, всегда с Сонечкой сидела, такая девочка славная...

Александра Сергеевна – Ага, славная, три шкуры с докторши драла. А та тоже хороша, рожать не надо было без никого.

Кондакова – За бесплатно дураки сидят. Я же дежурю через двое суток на третьи, а так я всегда готова посидеть с ребенком, несмотря на то, что на почтамте очень нервная работа.

Александра Сергеевна – Тоже мне нервная! Подумаешь, телефонистка!

Кондакова – Что вы можете понимать с вашими тремя классами!.. Не нервируйте меня с утра пораньше!

Александра Сергеевна (*показывает в лицах*) – ... Короче, явилась, значит, вчера, на ночь глядя, кофта такая линиялая, ни чемодана, ни узелка. Одно слово, бездомная бродяга. Привалилась так это

плечом к стенке в коридоре и говорит докторше: я сегодня к ребенку не подойду. Здесь, в прихожей, лягу. Киньте, значит, старое одеяло на пол...

Кондакова – А сейчас она где?

Александра Сергеевна – Где, где? Вот ты куда стоишь?

Кондакова – Как куда, в ванну!

Александра Сергеевна – Вот это она там уже три часа плещется, керосин чужой изводит, запершись в общественной ванной.

Кондакова (*злорадно*) – Вшей выводит.

Вышла Любка, обмотанная полотенцем, встала посередине кухни

Любка – Доктор, чистую одежду давай. Наконец Любка вышла – голая и парная...

Ирина Михайловна (*кричит из своей комнаты*) – Сейчас, сейчас, Люба.

Соседки от неё шарахаются, что не осталось не замеченным ею.

И тогда она, как говорится, пошла в разнос, дразня их.

На одном из поворотов кружения по кухне она резко распахивает полотенце ("тореадор"), показав себя Соседкам, они в шоке

Кондакова – Кондакова косилась на Любкины босые ноги и пыталась прочесть наколку. Прочесть было нелегко...

Любка вдруг подняла ногу и ткнула ступню к её лицу.

Любка – На, читай, близорукая.

Кондакова унеслась в свою комнату с кастрюлькой. А.С., посмеиваясь, в свою...

И.М. помогает Любе одеться

Ирина Михайловна – Доброе утро! Вот познакомьтесь, пожалуйста, Любовь Никитишна. Это Екатерина Фёдоровна и Александра Сергеевна...

Соседки, не дослушав, уходят по комнатам. Ирина Михайловна закрывает Любку простыней, за которой она переодевается

Люба облачилась в платье, сшитое когда-то лучшей ташкентской портнихой для выпускного бала...

Любка – И вот что, доктор... Вы моих денег мне не давайте... Складывайте где-нибудь... чтоб я места не знала...

Ирина Михайловна (*складывая простынь*) – Люба сразу взвалила на себя всю работу по дому. Скребла, стирала, кипятила, варила, возилась с Сонечой – самозабвенно. Ирина Михайловна переживала, пыталась придержать ее – куда там!

Любка – Когда Ирина Михайловна возвращалась из санчасти, дом оказывался прибранным, обед приготовлен и укрыт старым маминым платком, ребенок накормлен и утомлен...

Ирина Михайловна – Слово мама вернулась, и от этого по вечерам тоненько скулило сердце...

Недели через две, прихватив Любин паспорт, Ирина Михайловна отнесла его в отделение милиции – прописывать домработницу.

В санчасти, где трудится Ирина Михайловна. Утро. Она опаздывая, на ходу переодевает белый халат. На встречу ей главврач...

Ирина Михайловна - Фёдор Николаевич, давайте я вам помогу

Перечников - Ирина Михайловна, спасибо! Что-то вы сегодня без Сонечки?

Ирина Михайловна - А я Сонечке нянечку нашла, Любовь Никитишну

Перечников - Хорошо... Кто такая?

Ирина Михайловна - Она проходила у нас медосмотр от комбината, помните, на прошлой неделе? вольнонаёмная... Любовь Никитишна Зиньковская

Перечников (*поперхнулся*) - Фёдор Николаевич даже не сразу говорить начал, только тряс перед Ириной Михайловной чьей-то раскрытой историей болезни.

Что?! Любовь Никитишна? Это Любка что ли?

Ирина Михайловна - Вы не переживайте! Люба прекрасная девушка, она поладила с Сонечкой буквально сразу... отнесла сегодня паспорт в милицию, хочу её прописать в комнате у себя

Перечников - Ирина Михайловна! Что вы делаете?! Вы зачем её к себе прописываете?! Она же главарь банды, эта Любка, недавно срок отбыла, а вы с ней жить собираетесь! А если она вас оборует?!

Ирина Михайловна - Сильный человек мама всегда говорила: «К черту условности!» ...Ну, оборует – я в милицию пойду...

Перечников - Ирина Михайловна! Вам что, своих проблем мало? Мать умерла, отец без права переписки... четвёртый год уже?.. Он ведь у вас был главврачом госпиталя, хирург, генерал...

Ирина Михайловна - Спасибо Вам, Фёдор Николаевич, пойду я, у меня обход...

Пока шла домой, мучительно размышляла, как себя с Любкой держать. Сказать бодро: все в порядке, Люба, я вам доверяю? Фу, пошлость! Главное, не выдать, до чего боязно засыпать в одной комнате с главарем банды...

М 5 *Ирина медленно идёт в сторону, представляя ГЛАВАРЯ БАНДЫ (смеясь, вбегают Любка, трижды бросает верёвкой в сторону Ирины, стоящей на табурете)*

До Ирины доносятся обрывки разговоров соседок на кухне, которые как бы "набрасываются" на неё

Кондакова – Совсем меня с кухни потеснила! Целый день жарит-парит...

Александра Сергеевна – В народе про такое говорят – пластается. Любка там тебе суп гороховый закутала.

Кондакова – ... ресторанное меню готовит...

Александра Сергеевна – Я ж и говорю – пластается.

Кондакова - Грубая. Бандитка! (*не уходя, стоят по краям*)

Ирина закрывает уши

Ирина снимает туфли, на цыпочках идёт к своей двери... Любка сидит в темноте, спиной к двери, и мерно раскачивается

Любка – Чужой дя-а-дьяка обеща-ал

Моей ма-а-ме матерья-ал,

Он обма-а-нет мать твою-у,

Баю-ба-а-юшки баю-у.

Ирина замерла

Александра Сергеевна – Словом не обмолвились – ни та ни другая.

Кондакова - Хотя на человека, скрывающего свое прошлое, Любка не похожа.

Любка – Вы, Ринмихална, денег в шкафу, в белье, не держите. Нельзя так простодушно жить.

Ирина Михайловна (*вспыхнула и метнулась вон*) – Неужели Любка в шкафу рылась?

Любка – Я не рылась. Заметила, когда вы Кондаковой одалживали... А шкаф, да еще в белье, – первое для домушника место. С него начинают.

Ирина Михайловна (*смущённо*) – Да, какие у меня деньги, Люба!

Любка (*строго*) – Тем более.

На кухне разгораются нешуточные страсти борьбы...

Любка, поставив Соседок на место, убегает на рынок

Кондакова – На кухню войти невозможно, она всегда там!

Александра Сергеевна – Одно слово, зэчка!

Кондакова – Всё переставила, как ей удобно, а что делать нам, законным?!

Александра Сергеевна – Заявить на неё.

Кондакова – и заявлю!..

Александра Сергеевна – И заяви!

Кондакова – Ну, и заявлю!..

Запыхавшись, возвращается Любка, бросает в коридоре кошелку с картошкой.

Любка – Ринмихална! Гоните-ка восемьдесят рублей! Там старушка два стула продает! Сдохнуть можно! Графские! Я час торговалась.

Ирина Михайловна – Люба, у нас же до зарплаты всего сотня осталась...

Любка – Не жмитесь, выкрутимся! хоты бы один

Присев на краешек стула, разбросала перед собою веером остатки получки Ирины и, сосредоточенно шепча, долго передвигала туда-сюда бумажки, словно пасьянс раскладывала.

Ирина Михайловна – Аванс и получку Ирина Михайловна отдавала теперь Любе с огромным облегчением, как раньше – маме. Не надо было рассчитывать и раскладывать по полочкам, а потом, как бывало, тянуть последнюю тридцатку... Люба, там, кажется, суп кипит.

Любка – Да Ринмихална! Не дергайте меня, Христа ради, я ж считаю! Кипит – пусть кипит, авось не сдохнет!... Ничего, мы ещё в конце месяца на занавески отложим.

Ирина Михайловна – Люба, может, лучше боты?

Любка – Боты в другой раз. Сначала занавески. Живем, как голые, у всех на виду... (*Любка убегает*)

Ирина Михайловна (*вслед ей*) – Хорошо, Люба. Я и не замечала про занавески... У меня ведь мама всё делала...

Кондакова (*лисой подходя к Ирине*) - Ирина Михайловна, так как насчёт шубы? вы готовы мне определённо дать ответ? Я не могу больше ждать, у меня очередь за ней.

Ирина Михайловна – (*сидит на стуле*) Поскольку явилась Люба к Ирине Михайловне буквально в чем мать родила, без второго пальто никак не получится выкрутиться.

Александра Сергеевна – Тут и всплыла Кондакова со своею нутриевой шубой. То есть, не то чтобы неожиданно всплыла – шуба-то ее была известной на почтамте и в окрестностях, но продавать ее до сих пор Кондакова вроде не собиралась, а тут вдруг собралась и предложила недорого.

Ирина Михайловна – Долго размышлять Ирине Михайловне показалось неловким, и – решила покупать... Я согласна, Екатерина Фёдоровна.

Любка торжественно вносит стул

Александра Сергеевна (*ехидно*) – О, стул купила... графский...

Кондакова - Александра Сергеевна, помяните меня, всё очень плохо закончится.

Александра Сергеевна – Всё выискивает что-то... Докторша всё прыгает! Смехота! (*Любка достаёт галоши, жонглирует ими*)

Ирина Михайловна – Люба!...

Любка – Во! нашла! Пара – двугривенный!

Ирина Михайловна – Что это? Зачем?

Любка – Как – что? Во! Пара – двугривенный! Один старый узбек продавал. Он, жук, что выдумал – все в кучу свалил, они, видать, все разные, брак какой-то. Огромная такая гора получилась. Хочешь пару – ползай подбирай. Зато двугривенный.

Ирина Михайловна – Ну?...

Любка – Что – ну?! Я часа три по шею в этих галошах... Там еще старухи копошились, но, кроме меня, никто не смог подобрать (*соединила галоши подошвами, довольно пристукнула*) Во, почти одинаковые!

Ирина Михайловна (*растерянно*) – Люба, а зачем нам галоши?

Любка (*поколебавшись*) – Ну... Ринмихална! Пара – двугривенный! Жалко было не купить!..

Соседки смеются

Ирина Михайловна – ...Люба, вот шубу у Екатерины Федоровны покупаем, совсем недорого.

В центр выходит Кондакова с шубой, Любка пошла "коршуном" по кругу

Ирина уже и деньги отдать собралась... Свалив кошелки, Любка отерла руки, молча, стянула с плеч Ирины шубу, раскинула на руках, пощупала, дунула на мех.

Кондакова – Я бы ни за что не продала, Ирина Михайловна. Она мне столько лет верно служила. Но ради вас я согласна на жертву. Продам совсем не дорого, только ради вас и вашей Сонечки...

Любка – Тихо ты, не трещи!

Кондакова (*едко*) – А вы, Ирина Михайловна, всегда теперь у домработницы спрашиваетесь позволения на покупки? Просто смех, и больше ничего...

Любка вдруг ухватила мех, рванула, и – оказалась у нее под пальцами проплешина в шубе. Раз – и еще плешь. И еще. Кондакова скандально взвизгнула и кинулась на Любку. Но та как-то не нарочно и слегка выставила локоть, и Кондакова, напоровшись, крякнула и осела. Любка на нее не взглянула.

Любка – Ну что ж вы, Ринмихална, как ребенок, в самом деле! Любая сволота вас облапошит. Шуба эта была когда-то шубой, не спорю... А сейчас в ней только чертовы поминки справлять или вон обед греть... (*вздыхнула, скинула шубу на голову опавшей Кондаковой*) Значит, так, (*вытягивая из руки И. М. тощую стопку сотенных*) Обед под платком. Там голубцы и борщ.

Кондакова – Судиться!... По закону!... Порча имущества!...

Любка – Хотела позже... Белье замочено... ладно, нехай лежит до вечера... (*убегает*)

Кондакова истерит... Ирина отводит её в комнату и возвращается

Александра Сергеевна – Ирина Михайловна, это, конечно, хорошо, что Любка Катьке спуску не даёт... только девчонка-то ваша ходить и ругаться вместе начала! Я тут прохожу мимо вашей комнаты и слышу «па-адла». А Любка ей в ответ: «правда, золотой мой, падла Кондакова».

Ирина Михайловна – Александра Сергеева!

Александра Сергеевна – Что Александра Сергеева?! Я предупреждала, что зэчка хорошему не научит.

Ирина Михайловна – А мне кажется, что она искренно полюбила Сонечку и Соня тоже...

Александра Сергеевна – Ага, полюбила. Вот подождите, она себя ещё покажет. Наплачетесь!

Входит Люба с узлом

Любка – Вернулась Любка поздно, полководцем вернулась, одержавшим блестящую победу, усталым полководцем, увешанным трофеями... Ну вот, это не шуба, конечно, но вещь приличная. Совсем новое. Примерьте.

Ирина Михайловна всплеснула руками, накинула пальто поверх халатика.

Ирина Михайловна - Пальто как родное, как будто на меня только сшито, и подол, и рукава... Магазиновой бирки не было видно... (*в ужасе*) Люба! Откуда?!

Любка – Да что это вы, Ирина Михайловна! Чтоб я в ваш дом легавых притащила?! Да век мне!... Не бойтесь, носите. Это честное пальто... Тут к одному зеку жена из Ленинграда приехала, у тетки Раи комнату сняла... Она приехала, а он уж доходит... Ну, она давай все с себя снимать. Кольцо продала, сережки, пальто вот... Я не торговалась, до копейки отдала... Но оно и стоит! Вон, овчина какая... играет-то!...

Примерка пальто

Ирина Михайловна – Люба, спасибо! (*соседкам*) А пойдёмте пить чай!..

Александра Сергеевна – Осень прошла тихо, незаметно. Любка по-прежнему грозно-справедлива в стычках с Кондаковой.

Любка – Любка отогрелась, подкормилась, расправила плечи. Выяснилось, что она, в сущности, совсем молоденькая девушка.

*Столкновение Мосельцовой с Ириной в санчасти
продолжение в комнате Ирины Михайловны.*

Ирина Михайловна – Доброе утро, Зинаида Николаева!

Мосельцова - Ирина Михайловна, как это понимать?! что вы себе позволяете?

Ирина Михайловна – О чём вы?

Мосельцова - **Вы** позволяете себе чужого больного без ведома лечащего врача отправлять на стол?

Ирина Михайловна – Позвольте, Зинаида Николаевна, у вас мальчик с острым животом три дня лежал... Да спросите Перечникова, – говорю, – у нас во время операции этот аппендикс в руках разлился... (*Мосельцова в сторону отходит*)

Любка – Насчет Перечникова – напрасно. Она с ним спит.

Ирина Михайловна – Кто?

Любка – Ну кто – эта сука кудлатая, Мосельцова.

Ирина Михайловна – Ой, Люба, а откуда вы взяли... У нас и вправду поговаривают...

Любка – Ринмихална, ну я вам удивляюсь, какая ж вы наивная... Шут с ней, с этой кудлатой, не стоит она того. Сегодня вот иду, а в магазине ситец выкинули, небесного тона – сдохнуть можно! У меня аж пульс участился: хватит – не хватит? Пока очередь доползла, думала, от тахикардии помру...

Ирина Михайловна (*смеётся*) – Люба, да ты прямо медик! Всё на лету схватываешь. Тебе бы поучиться.

Любка – А что... я и укол могу! Да чего вы остолбенели-то? когда Сонечка болела, я по всем правилам: кипятила, как вы, и с ваткой ампулу сломала, и за иголку не бралась... Она и не плакала даже (*не без гордости*) А у вас, между прочим, всегда плачет.

В санчасти. Утром, до обхода...

Мосельцова – Ирина Михайловна! Вы «Правду» читали?

Ирина Михайловна – И сразу Ирина Михайловна ощутила прилив тошноты и спазм острого кишечного страха. Такого рода страх, сводящий внутренности, впервые испытала она пятнадцатилетней девочкой, в ночь, когда забрали отца – главврача госпиталя, хирурга, генерала – просто папу.

Мосельцова – Банду раскрыли, заговор врачей... Неужели «Правды» не читали? Статья «Убийцы в белых халатах»... Отравители...

Ирина Михайловна – Нам «Правду» вечером приносят... А... фамилии?...

Мосельцова – Нерусские фамилии! ... В основном... Перечников уже объявил: в три общее собрание всего персонала.

КВАДРАТ. "Правда" в руках. Собрание в санчасти.

Перечников - Главврач Перечников эти собрания проводил обычно вяловато, без гражданского темперамента. Но тут случай особый. Тут ужас профессиональной, белой окраски шелестел над головами небольшого коллектива медсанчасти.

Мосельцова (*выразительно читает статью из «Правды»*) - «Убийцы в белых халатах» ...

Следствием установлено, что участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно, злодейски подрывали их здоровье, ставили им неправильные диагнозы, а затем губили больных неправильным лечением. Прикрываясь высоким и благородным званием врача — человека науки, эти изверги и убийцы растоптали священное знамя науки.

Кому же служили эти изверги? Кто направлял преступную террористическую и вредительскую деятельность этих подлых изменников Родины? Какой цели хотели они добиться в результате убийства активных деятелей Советского государства?

Советский народ с гневом и возмущением клеймит преступную банду убийц и их иностранных хозяев. Презренных наймитов, продавшихся за доллары и стерлинги, он раздавит, как омерзительную гадину.

Пожалуйста, Фёдор Николаевич!

Главврач Перечников (*пытается откашляться*) – Товарищи, мы должны с вами помнить о нарастающей борьбе классов, о бдительности каждого сознательного гражданина Советского Союза, о профессиональном долге врача... Извините... (*уходит, уронив на пол газету*).

Мосельцова - Фёдор Николаевич!.. куда же вы? (*бежит на ним*)

И. М. подобрала с пола «Правду», расправила... Вернулась Мосельцова, за ней наблюдает

Мосельцова - Вам что-то неясно, Ирина Михайловна? Мне ка-эт-ся, я доходчиво читала?

Ирина Михайловна (*молча рассматривала газету, затем свернула её и сунула в карман халата*) – Это проклятое, виноватое от природы выражение глаз! Как, как заставить себя быть непроницаемой? Мама умела оборвать таких, как Мосельцова, одним словом...

Да, вы были очень убедительны...

Мосельцова (*улыбнулась*) – Может, какая-то фамилия знакомой показалась? У вас ведь, если не ошибаюсь, семья московская, врачебная?

Ирина Михайловна (*тихо*) – Вы не ошибаетесь. Но моя семья последние лет двадцать жила в Ташкенте.

Мосельцова (*уходя*) – А вы напрасно не пользуетесь губной помадой... Это бы как-то расцветило вас...

Ирина бросает газету и вытирает "кровь" с рук (болезненно)

Дома у Ирины из кухни доносился торжествующий голос Кондаковой, читающей статью, с неправильными ударениями, пренебрегая знаками препинания. Ирина застыла ...

Кондакова - Кому же служили эти изверги? Кто направлял преступную террористическую и вредительскую деятельность этих подлых изменников Родины? Какой цели хотели они добиться в результате убийства активных деятелей Советского государства?..

Любка домывала в комнате пол, заткнув подол платья за пояс, хлопнула дверь

Любка (*рассеянно пробормотала*) – А... Ринмихална... Куда вы в ботах по чистому!... Стойте... (*поставила табурет*) Слыхали – на кухне? Старая курва сама себе доклад делает... Это она второй раз уже... Вон орет, чтоб мне слышно было... Я все жду, как по третьему кругу запоет, пойду ее на примус сажать... (*отжала тряпку и шлепнула у ног Ирины*) Натэ. Вытирайте.

Ирина Михайловна (*медленно*) – Люба... Люба... Вам, вероятно, следует уйти... от нас с Сонечкой...

Любка (*одернула юбку, нехорошо пощурив глаза*) – Да? Это куда же? Чем не угодила-то? А? Ринмихална?

Ирина Михайловна – Дело в том, Люба... Может быть, вы не знали... Я ведь той же нации, что эти врачи... отравители.

Любка – Да, какие они отравители?! Вы-то, Ринмихална, вы-то в своем уме?!

Ирина Михайловна – Тихо, тихо. Люба!

Любка – Мне уж вы не пойте, я не Кондакова, я в зоне таких отравителей ох сколько навидалась!

Ирина Михайловна – Да погодите же, не в этом дело! Я говорю сейчас о том, что у меня вам небезопасно оставаться...

Любка (*захохотала, шлепая себя по коленям, по щекам, по животу*) – Мне! Мне опасно! Ой, не могу... Ой, насмешили, Ринмихална... Мне – опасно! Значит, не вам с моей уголовной рожей, а мне – с вами... Ох, ну дожились... Ну, умора...

Дверь на кухню открылась, оттуда гремел голос Кондаковой

Кондакова - Советский народ с гневом и возмущением клеймит преступную банду убийц и их иностранных хозяев. Презренных наймитов, продавшихся за доллары и стерлинги, он раздавит, как омерзительную гадину. Что касается вдохновителей этих наймитов-убийц, то они могут быть уверены, что возмездие не забудет о них и найдет дорогу к ним, чтобы сказать им свое веское слово...

Любка (*прикрыв дверь*) – Репродуктором сделалась. Большое удобство, наш-то третью неделю молчит. Ну, пойду на стенку повешу, чтоб ей задницей до точки дотянуться.

Ирина Михайловна – Люба, умоляю!...

Любка (*настойчиво и вежливо придержала дверь, не пуская Ирину*) – Вам туда не стоит, Ринмихална. Да не бойтесь, не забью суку. Идите руки помойте... (*выпровождает её*)

Любка вытащила Кондакову, в зубах у той газета...

Любка – ...из тебя душонка соплями вытечет...

Кондакова - Что вы себе позволяете...

Любка – ...еще разочек... нехороший взгляд... ты у меня ползком вокруг собственной жопы ползать будешь... Настучишь – хорошие люди в могиле достанут...

На следующий день в санчасти Ирина случайно оказалась свидетельницей разговора в ординаторской

Мосельцова – Фёдор Николаевич! Это как понимать?! Вот послушайте: "подставляться шпионским наймитам для опытов над людьми. Ни уколов, ни капельницы делать не дам, так и запомните"

(*читает с листочка*). И Дрынищин из 1-й палаты сказал, что не будет ждать, пока перетравят всех к чертям собачьим?...

Перечников – Зинаида Николаевна ... дело в профессиональной этике!

Мосельцова – Бросьте сиропить, какая там этика! Вот погодите, состряпают большие бумагу за рядом подписей да пошлют куда следует, и вы с вашей профессиональной этикой... Весь коллектив пострадает из-за одной паршивой овцы. Думаете, народ проведешь? Фамилия у нее типичная, да и внешность... ярко выраженная...

Ирина Михайловна пошла прочь, забыв одеться...

3 верёвки через всю сцену настигают её

И тут за спиной истошно крикнули: – Ир-р-ра-а-а!! Это был папин голос.

В комнате Ирины Михайловны

Любка – Пальто стырили?! (*Ирина Михайловна повалилась на Любку окоченевшим телом*) Окоченела-то как... тихо, тихо, сейчас горяченьким отпою...

Ирина Михайловна – Весь вечер она лежала заботливо придавленная двумя одеялами и сверху еще старым маминым пальто, дрожала и слушала, как за окном ветер треплет бельевую веревку и прищепки трещат. Может быть, поэтому не сразу различила стук в окно – тихий, деликатный...

За окном топтался Перечников и что-то говорил через стекло.

Перечников – Ирина Михайловна... На два слова...

Ирина Михайловна – Федор Николаевич, что случилось?

Перечников – Да ничего, не пугайтесь... Вы не пугайтесь. Вы пальто сегодня забыли, я вот принес, так как холода... и... Тут разговор у меня с вами некоторый... Черт, даже не знаю, с какого конца...

Ирина Михайловна – Может быть, в дом зайдете?

Перечников – Нет-нет! И пожалуйста, мил человек Ирина Михайловна, чтоб о разговоре этом ни друг, ни сват, ни соседская курица... Пальтишко у вас легкое такое. Да вы наденьте-то, господи! Ну, чтоб уж долго вас на холоде не держать... (*достал платок*) Вы у нас не доработали по распределению год, кажется, с копейками?... Так вот, Ирина Михайловна, давайте-ка мы изобретем какое-нибудь уважительное состояние здоровья и тихо-мирно, по собственному желанию отпустим вас в Ташкент, в столицу, из этой нашей тмутаракани...

Ирина Михайловна – Видите ли, Федор Николаевич, в Ташкент мне ехать незачем. У меня там, кроме дряхлой тетки, никого. И на работу, как вы сами знаете, никто меня сейчас не возьмет. Вы человек не наивный и понимаете, что в Ташкенте сейчас вакханалия почище, чем у нас. К тому же бывают времена, когда в тмутаракани легче выжить, чем в столицах... Спасибо, что хотите избавить меня от скандала. Я понимаю, что персонаж с моей фамилией вам сейчас крайне неудобен...

Перечников – Ирина Михайловна, голубчик, умоляю, только не надо пошлостей! Меня-то уж вам незачем обижать. Как видите, пришел к вам... я всегда... с большим уважением... по моему мнению, вы прекрасный диагност, это, знаете ли, от Бога. Ну что делать, раз такие времена!... Пришли, ввалились в кабинет... Коллективное, понимаете ли, заявление. Изволь реагировать... разбираться... А может, и сообщать куда следует... Мосельцова какой-то бред несет... Каким-то вы там крымским татарам сочувствуете вслух... Тошнит, но изволь... положение обязывает...

Ирина Михайловна – Почему – татарам?... Кажется, японцы удобнее, толковее. Татарского шпиона – что-то я такое еще не слышала...

Перечников – Не пренебрегайте опасностью, Ирина Михайловна... Не пренебрегайте... Ведь я, по меньшей мере, уволить вас обязан!

Ирина Михайловна – Увольняйте. Мне отсюда бежать некуда.

Перечников заглянул в ее глаза, махнул рукой и пошел. Но, отойдя, вдруг вернулся торопливо.

Перечников – К Исмаилову в стройконтору пойдете уборщицей – попробую договориться?

Ирина Михайловна – Пойду... (вслед Перечникову) что, собственно, смешного находила она прежде в этом человеке?

Вернувшись, она долго молчала, слушая колыбельную, которую полупела-полумычала Любка.

Ирина Михайловна – Если со мною что-то случится, Люба, отвезете Сонечку в Ташкент, к моей тетке. Я адрес напишу...

Любка – Чужой дя-а-дька обеща-ал

Моей ма-а-ме матерья-ал...

Еще чего, повезу я ребенка хрен знает кому... Как-нибудь уж... сама не калечная...

Он обма-а-нет мать твою-у...

Баю-ба-а-юшки баю-у – ...

КВАДРАТ сжимающий кольцо вокруг девушек (скорость чуть ускорена). Люба прижимает к себе Ирину, обняв её крепко

Любка – Я не помню своих настоящих родителей... Семью нашу раскулачили и выслали в Сибирь... по дороге от голода умерли братья Андрей и Мишка... меня двухлетнюю мать отдала на станции под Семипалатинском семье воров.... от отчаяния...

Так я была спасена... и – обречена... через полгода забиралась в форточки, ходила на вокзалах («Тетенька, я потерялась, хочу в туалет...») – за спиной пожалевших меня тёток уплывали сумки и чемоданы), клянчила в поездах, изображая сироту, и так далее. Домушники Катька и Штыря любили меня, по-своему; не обижали (пальцем не тронули!) и время от времени даже посылали в школу. Да только никто мне был не указ и не начальник, и уже лет в пятнадцать я и Штыре и Катьке указывала их законное место – в заднице.

Поэтому, когда Штырю однажды, после долгой пьянки,хватила кондрашка и он, мычать стал, на Катькиных руках помирать и пачкать, я спокойно взяла «дело» на себя. И все подчинились – и Канава, и Чекушка, и Котик с Пыльным. Потому что я башковитая. У меня ж в голове сразу весь план «дела», чтоб толково и чисто, а они – что? Грабануть, толкануть, нажраться и сесть лет на семь. Из-за этих козлов драных и я загремела...

Ирина Михайловна (обнимает Любу) – Вы человек талантливый, Люба, сильный. Вот переживем, Бог даст, весь этот бред, уедем в Ташкент, определю вас в вечернюю школу. А потом – в медучилище, у меня там сокурсница работает... Я из вас сделаю... медсестру...

Любка – Ага, сестру-медсестру... Скажете тоже!

Ирина Михайловна – Ничего, Люба, проживём как-нибудь, выкрутимся. Меня Перечников к Исмаилову в стройконтору уборщицей обещал устроить...

Любка (грозно) – Шваброй шкрябать?! Той кудлатой суке тряпки под ноги расстилать?!

Ирина Михайловна – Люба, при чем тут Мосельцова, это же стройконтора, совсем другое здание.

Любка – Та чтоб я сдохла, если хоть раз, хоть где вас с ведром увидят! Я сама пойду к Исмаилову.

Через несколько дней на кухне Ирина жарила картошку

Ирина Михайловна – Теперь Ирина Михайловна сидела дома, жарила картошку и с сиротливым нетерпением ждала Любку домой. В сущности, это даже очень смешно...

Александра Сергеевна – Что, докторша, стала Любкиной домработницей? Ты масла-то добавь...

Ирина Михайловна – Добрый день, Александра Сергеевна! Домработница из меня безрукая и никчемная... Спасибо!

Александра Сергеевна – *(смеётся)* Ты у Любки выходной, что ли, вытребууй, или отпускные!.. *(даёт ей соль)* Картошку-то солила?..

Ирина Михайловна – Ой, забыла!... *(убегает в кухню)*

Александра Сергеевна – Это тебе не в санчасти орудовать.

Входит вымотанная Любка

Любка – О-о, картошечой пахнет! Жрать охота смерть...

Ирина Михайловна – Люба, ну, наконец-то! Я уж тебя заждалась!

Любка раздевается, умывается

Любка *(вполголоса)* – В конторе радиоточку не выключают дня два уже. Как сводку о здоровье передают – все обмирают, и такая тишина – слышать, как по бумаге ластик шуршит.

Ирина слушала, нервно переплетя тонкие пальцы, и ускользала взглядом за окно.

Любка *(вдруг)* – Ринмихална! А вы все молчите, молчите... Вы же врач... Ну, скажите – неужели выживет?

Ирина Михайловна *(дернулась, метнула взгляд на дверь и отчеканила шепотом)* – Не болтайте-ка, Любовь Никитична!

Любка – Я и не болтаю, я правду хочу узнать...

Ирина Михайловна *(разглаживая скомканные купюры)* – Вчера поздно опять Перечников в форточку тридцатки бросил... как баскетбольный мяч. Я пыталась вернуть их тем же путем, но он сбежал. Смешно... *(на кухне заработало радио)*

Любка – Ничего и не смешно. Не всем же козлами быть. Хоть кто-то человек... Ладно, пойду картошечку поем, а то Кондаковой скучно, вон радио завела. Вы долго-то не сидите *(уходит)*.

Ирина Михайловна – Да, да, вот только Сонечке чулочки заштопаю. **КВАДРАТ**

Вдруг грохнула дверь, ворвалась Любка. Ирина вскинула на нее глаза, ставшие вдруг страшными. Любка молчала, сжав кулаки, глядя перед собою со странным выражением вдохновенной ненависти.

Ирина Михайловна *(прошептала)*– Боже мой...

Любка *(коротко выдохнула)* – Подох!

Ирина заплакала, побежала за Любкой, сорвавшейся, как с цепи, пытаясь её остановить

Ирина Михайловна – Люба... тише... нехорошо... Нельзя так... говорить...

Любка – Можно, можно! Подох, подох! Сдохла рябая собака!

КВАДРАТ рассыпался

СОСЕДКИ испуганно выбегают... Зарыдала Кондакова...

Любка *(не без уважения)* – Ну надо же, Кондакова как горевать умеет... Ринмихална, я что думаю: а ведь многие, пожалуй, по стране сегодня вот такого воют?...

Ирина Михайловна – Многие, Люба... К концу апреля нахлынуло из пустыни тепло, песок просох от дождей...

Пауза, входит Перечников

Перечников – Ирина Михайловна, возвращайтесь на работу в санчасть.

Ирина Михайловна – Федор Николаевич, а как же Мосельцова?

Перечников – А вы, Ирина Михайловна, не подозреваете, какую роль в моей жизни сыграли. *(смущенно улыбается)* Мосельцова... Мы ведь с нею уже и расписаться должны были, а тут эта ваша история... И вот как человек проявляется – это я о Мосельцовой... Так она мне противна стала

– глаза б не глядели. И все! (*засмеялся*) Больше уж я не рискну менять холостяцкую долю... вероятно.

Ирина Михайловна – Спасибо вам, Федор Николаевич.

Перечников – Да мне-то за что? Возвращайтесь завтра же. Нам вас очень не хватает!.. (*уходит*)

Ирина Михайловна – Люба! Люба!.. Я возвращаюсь на работу в санчасти!..

Любка – Опааа!... Восстанавливаюсь в своих кухонных правах! (*Ирина уходит в комнату*) Эх... тра-та-та-та-та-та-та!.. (*кричит*) Ринмихална, дайте денег. Пойду, погуляю.

Ирина Михайловна – Гуляйте, Любовь Никитична. Где ты в этом городишке собираешься «гулять»?! Вот деньги... почти все... Когда вернёшься?

Любка – ...Вернусь.

Прошло время. На кухне.

Александра Сергеевна – Любка наша ушла и – пропала. Заскучала девочка. Уж три дня её нет.

Кондакова – Туда ей и дорога.

Александра Сергеевна – Докторша извелась вся.

Кондакова – Пусть в милицию заявит. Извелась она...

Александра Сергеевна – Любка не одобрила бы этого. Она с милицией не дружит.

Кондакова – Да кто её спросит! Пусть её найдут и посадят...

Неожиданно входит Любка

Александра Сергеевна – Оо, Любка... шикарное платье...

Кондакова – Как во сне...

Соседки растворились, а Любка торжественно и полно отвесила ошалевшей И.М. земной поклон.

Любка (*трезвым голосом*) – Ирина Михайловна! Спасибо вам за все... Держали меня, грели, шкафов не запирали, «вы» говорили. Я вас до смерти не забуду... А сейчас дайте мой паспорт, я уйду... (*по своему так рукой махнула, мол, а слов не надо*)

Ирина медленно протянула Любкин паспорт. Любка цепко взяла её за плечи, молча, долго смотрела. Вдруг они обнялись. Ирина заплакала.

Ирина Михайловна – Люба!.. Любовь Никитична!

Любка – А дом теперь можете совсем не запирать. За ним мои ребята приглядывают...

В стороне появляется Перечников, читает газету

Фёдор Николаевич – ...Любка с товарищами обокрали в Ташкенте Академический театр оперы и балета... Всю буфетную выручку взяли, сторожа оглоушили и на прощание бессознательного старичка обрядили в костюм Спящей красавицы и – во гроб хрустальный, реквизитный, где он и качался на цепях до приезда милиции. Вот как вы рисковали-то, Ирина Михайловна... Страшно подумать, какой опасности вы подвергали себя и своего ребенка...

Любка - ... И не ищите вы меня, Христа ради. Не марайте себя этим гнусным знакомством...

Уходит. Пауза

Ирина Михайловна – Жизнь текла, не останавливаясь ни на мгновение. Невесть откуда взявшийся голос с тоской оплакивал эту жизнь, эту темень, этот городок – нелепый нарост на краю пустыни, людей, зачем-то живущих здесь...

Ирина начинает собирать чемодан. Выходят, провожая её, соседки

Кондакова – Ирина Михайловна, вы куда собираетесь?

Ирина Михайловна – Отработала я свои три года.

Александра Сергеевна – Так вы от нас совсем уезжаете?... Докторша, да куда ж тебя несёт с насиженного места?

Ирина Михайловна – Поедем в Ташкент.

Кондакова – И что делать в этом Ташкенте? А здесь у тебя работа как никак

Ирина Михайловна – У меня в Ташкенте тетка еще жива. Написала, что примет, пропишет, поможет Сонечку в садик определить. Трудно мне здесь...

Кондакова – Конечно, конечно...

Александра Сергеевна Ну, не знаю...а от Любки ничего не слышно?

Ирина Михайловна покачала головой

Кондакова – На гастролях артистка наша... за решёткой.

Александра Сергеевна – А ты откуда знаешь?

Кондакова – А тут и знать нечего, где ей ещё быть.

Александра Сергеевна – Удачи тебе и Сонечке, может, увидимся когда-нибудь...

Ирина попрощалась с соседками и вышла вперёд с чемоданом.

Мосельцова - А как обосновалась Ирина Михайловна в Ташкенте...

Ирина Михайловна – Появился вдруг Сонечкин отец, женатый вторично, виноватый во все стороны, но горевший желанием помочь всем, любить всех...

Александра Сергеевна – В первое же лето достал путевки в Сочи, и Ирина Михайловна ради ребенка спрятала гордость в сумочку, смирилась, повезла Сонечку на море.

Кондакова - Вернулись они коричневые, обе в веснушках, обе носатые, веселые, в сарафанах.

Александра Сергеевна – Появились у Ирины Михайловны бежевый китайский плащ в талию, губная помада, пудреница, духи «Красная Москва»...

Перечников - А лет через семь Ирину Михайловну разыскал Перечников, приехавший в Ташкент на курсы повышения квалификации.

Ирина Михайловна – Ирина Михайловна тогда уже заведовала терапевтическим отделением крупной инфекционной больницы.

Перечников (*достал сложенную вдвое поздравительную открытку*) – Чуть не забыл! Держу года четыре, специально для повода – увидеться... Вот, пришла на адрес санчасти. Там ничего особенного. Поздравление.

Ирина Михайловна взяла в руки мятую открытку, и вдруг – приблизилось, налетело...

Далеко в стороне стоит Любка, улыбается

Любка – Чужой дя-а-дька обеща-ал

Моей ма-а-аме матерья-ал...

Дорогие Ирина Михайловна и Сонечка! Поздравляем вас с праздником Восьмого марта, желаем крепкого здоровья и счастья. Люба и Валентин...

Ирина Михайловна – Ни адреса, ни намека, где искать. Что за характер!...

Александра Сергеевна – Весь вечер Ирина Михайловна ходила по дому сама не своя...

Ирина Михайловна – ... вспоминала, вспоминала: скрип ивовой колыбели, две почти одинаковые галоши – пара двугривенный, лысеющую кондаковскую шубу...

Подумала: надо в каникулы съездить с Соней на мамину могилу.

Любка – Чужой дя-а-дька обеща-ал...

Моей ма-а-аме матерья-ал...

Что за характер! Ни адреса, ни намека, где искать...

Он обма-а-нет мать твою-у...

Баю-ба-аюшки баю-у... Баю-ба-а-юшки баю-у...

Медленно уходит в даль, остальные провожают её до последней черты